

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Князь Нинъян?!

Тюремщики не ожидали, что князь решит войти. Они поспешили к Лу Силаю, намереваясь снова связать его, но Чжао Цзинжэнь небрежно бросил:

— Все вон.

Лу Силай немного успокоился: по крайней мере, сегодня его больше не будут пороть...

Когда тюремщики ушли и в подземелье остались только они вдвоем, Лу Силай попытался высвободить руку. Но Чжао Цзинжэнь держал его с невероятной силой — кости заныли, и вырваться не удалось.

Удерживая запястье пленника левой рукой, князь правой взял нефритовый веер, лежавший неподалеку. Порывшись в куче разбросанных подвесок, он без труда выудил одну из них.

Это была та самая нефритовая подвеска в форме веера, принадлежавшая названному отцу Янь Шэня.

Лу Силай вспомнил, как Чжао Цзинжэнь с первого взгляда узнал в ней подарок императора, преподнесенный некогда Хэ Юйху. Трюк, которым он только что обвел вокруг пальца Чжао Ииня, с князем Нинъяном не прошел бы.

Чжао Цзинжэнь взглянул на осколки алого нефрита на полу, а затем — на пылающий след от пощечины на лице Лу Силая. Зная о хитрости своего бывшего любовника, он мгновенно догадался, какую уловку тот пустил в ход, чтобы уберечь настоящую драгоценность.

— Ты так дорожишь этой вещью?

Лу Силай понял, что прикидываться дурачком бесполезно.

— Остальные подвески мои... Можешь бить их сколько влезет, — проворчал он, стараясь не смотреть князю в глаза. — Но эта... она чужая.

Он с замиранием сердца следил, как длинные пальцы Чжао Цзинжэня вертят подвеску. Глотая нервную слюну, Лу Силай добавил:

— Только не вздумай её ломать. Если этот нефрит разобьется, Янь Шэнь меня живьем в землю закопает...

Чжао Цзинжэнь промолчал. В сыром воздухе повисла тяжелая тишина. Лишь спустя долгое время он тяжело вздохнул и осторожно положил украшение на место.

— Прекрасный нефрит без единого изъяна. Зачем мне его разбивать?

Князь и сам не знал, кому ответил — Лу Силаю или себе. Он пытался сохранить хладнокровие, но стоило ему увидеть, как в глазах Лу Силая промелькнуло облегчение, сердце пронзила невыносимая боль. Он посмотрел на подвеску «Дракон, играющий с жемчужиной», прикрепленную к рукояти его собственного веера, и почувствовал горькую обиду.

Он помнил, как радовался, когда получил этот подарок. Кто же знал, что теперь один взгляд на него будет вызывать лишь насмешку судьбы? Каждый раз эта вещь напоминала ему: кроме этой безделушки, он не смог удержать ничего, что принадлежало Лу Силаю.

Истинное воплощение поговорки о том, что пролитую воду не собрать.

Чжао Цзинжэнь подтянул руку Лу Силая к себе. Он начал покрывать её поцелуями — от кончиков пальцев до ладони и запястья, снова и снова. Лу Силай совершенно опешил и не знал, как на это реагировать.

Придя в себя, он уже хотел окликнуть князя по имени, но слова застряли в горле — Чжао Цзинжэнь жадно приник к его губам. Когда князь отстранился, Лу Силай всё еще стоял, вытаращив глаза.

— Гм...

Почувствовав, как Чжао Цзинжэнь приклонился к его уху, обжигая дыханием, Лу Силай вздрогнул. Ладонь князя скользнула под воротник, пальцы коснулись груди, и дыхание Лу Силая невольно сбилось.

Вот же проклятье...

Когда Чжао Цзинжэнь прижал его к стене, Лу Силай почувствовал такую вспышку боли в заднице, что он едва не лишился чувств. Терпение лопнуло. Разъяренный, он изо всех сил оттолкнул князя:

— У меня живого места на заднице нет, а ты всё туда же! У тебя что, денег на бордель не хватает?!

Оттолкнутый Чжао Цзинжэнь отступил на несколько шагов и замер, виновато опустив глаза. Лу Силай принялся поправлять воротник, продолжая ворчать:

— Совсем обнищал, что ли?!

Чжао Цзинжэнь молчал. Он прекрасно понимал намек: если он возьмет его силой, то чем визит к Лу Силаю будет отличаться от похода в дом удовольствий к обычному юноше? В борделе, пожалуй, и по красивее найдутся. Если это не близость двух любящих душ, то одно лишь обладание телом не принесет ему ни капли удовлетворения.

Когда сталкиваются два человека, знающие друг друга лучше всех на свете, слова становятся излишними.

Едва Чжао Цзинжэнь начал разжимать стиснутые кулаки, снаружи раздался зычный голос глашатая:

— Его превосходительство Премьер-министр прибыл!

В темнице Министерства юстиции всегда было сыро и мрачно; нормальные люди сюда по своей воле не заходили. Но с тех пор как вчера привезли Линь Яньдуна, солнце словно начало вставать на западе: принцы, императрица, князь — все шли один за другим. Не успело стихнуть одно потрясение, как явился Премьер-министр.

Янь Шэню едва исполнилось двадцать, когда он занял свой пост. Человек прямой, но нелюдимый, он всегда появлялся во дворце в одиночестве. Однако сегодня за ним следовало несколько десятков гвардейцев в парчовых халатах. Тюремщики знали о вражде Премьер-министра с фракцией Наследного принца и, вспомнив, что князь Нинъян всё еще внутри, во всё горло закричали:

— Господин Премьер-министр прибыл!!!

Янь Шэнь кивнул тюремщику и сразу перешел к делу:

— Где заперт Линь Яньдун?

Тюремщик замаялся, сложив руки в приветствии:

— Министр Гуань распорядился... Линь Яньдун — особо важный преступник, посещения запрещены.

— Запрещены? — Янь Шэнь холодно усмехнулся и достал из рукава жетон. — Сегодня я здесь по личному указу Его Величества, чтобы провести тщательное расследование.

Увидев в руках Янь Шэня Жетон Божественного Дракона, тюремщик задрожал еще сильнее. Вчера князь Нинъян вкатил Линь Яньдуну тридцать ударов палками, и кто знает, что он делает

там сейчас. Если Премьер-министр увидит, что в Министерстве юстиции практикуют самосуд, то...

Янь Шэнь заметил странное выражение на лице стражника и нахмурился.

«Раз препятствуют, значит... пытаются?!»

От этой мысли у него похолодели кончики пальцев. Оттолкнув тюремщика, он решительно вошел в подземелье.

Двое охранников, оставленных князем Нинъяном на часах, при виде Премьер-министра запаниковали.

— Господин Премьер-министр прибыл! — снова заорали они.

Янь Шэнь наградил их яростным взглядом, подхватил полы одеяния и начал спускаться по ступеням.

К всеобщему удивлению, в камере Линь Яньдун лежал совершенно один. Даже Янь Шэнь на миг растерялся, а тюремщики и вовсе обмлели.

Придя в себя, Янь Шэнь подошел к решетке:

— Отпирай.

Лу Силай, мельком глянув на Чжао Цзинжэня, который успел спрятаться за каменную колонну, уныло отозвался:

— Не откроется.

Видя его странное поведение, Янь Шэнь почувствовал, как напряженные нервы наконец расслабились. Что значит «один день разлуки стоит трех лет»? Не видел этого негодяя всего сутки, не злился на него до белого каления — и уже успел истосковаться. Несмотря на опасное положение, он не смог сдержать улыбки.

Тюремщики, слушая их короткий диалог, на мгновение зависли, прежде чем сообразить, что приказ предназначался им. Дрожащими руками они отперли замок.

Янь Шэнь вошел внутрь.

— Мне нужно допросить его. Выйдите.

Он подошел к Лу Силаю и, видя, что тот всё еще лежит ничком, лишь с трудом приподняв голову, чтобы выдавить подобие улыбки, заподозрил неладное.

— Что с тобой? — негромко спросил он, присаживаясь рядом.

В его голосе звучала редкая нежность. Янь Шэнь протянул руку, желая погладить Лу Силая по голове, но тут же замер.

В тусклом свете факелов он разглядел, что оранжевое ханьфу на Линь Яньдуне превратилось в лохмотья. Но хуже того — ткань ниже пояса была пропитана кровью. Заметив, как Лу Силай отводит взгляд, Янь Шэнь пришел в ярость:

— Гуань Ваньхэ посмел применить к тебе пытки?!

Голос Премьер-министра, полный внутренней силы, эхом разнесся по камере. Лу Силай поспешно заткнул ухо:

— Ой, не ори! Я в его владениях, было бы странно, если бы он меня не побил.

Янь Шэнь нахмурился и переместился к его боку. Стоило ему коснуться Лу Силая, как тот вздрогнул и истошно завопил от боли.

«У меня задница в лоскуты превратилась, можно её не трогать!» — хотел было огрызнуться Лу Силай, но, обернувшись, встретился взглядом с Янь Шэнем. Глаза того слегка покраснели.

У Лу Силая сердце едва не выскочило из груди.

Такое выражение лица он уже видел в день рождения Государственного дяди Ляна. Он помнил, как в лунном свете Янь Шэнь смотрел на него с бесконечной жалостью. Тогда Лу Силай почувствовал себя величайшим сокровищем в его глазах...

Разве не стоит пройти сквозь огонь и воду ради человека, который так тебя ценит?

— Янь... — он хотел сказать что-то, чтобы разгладить морщинку между его бровями, но внезапно почувствовал, как рука Янь Шэня скользнула ниже.

Лу Силай едва не прикусил язык от шока:

— Янь... Янь Шэнь?!

— Не вертись. Я принес мазь.

Янь Шэнь нащупал пояс на талии Лу Силая и осторожными, невероятно нежными движениями развязал его. Почувствовав прохладу, пробравшуюся под одежду, Лу Силай оцепенел:

— Я... я сам! Я сам справлюсь!

Янь Шэнь мягко, но властно придавил его плечо, не давая подняться. Достав из рукава фарфоровый флакон, он пояснил:

— Я думал передать её тебе заранее, но не ожидал, что Гуань Ваньхэ устроит самосуд.

Лу Силай был тронут, но в следующую секунду одежда на его бедрах была откинута.

Кровь мгновенно бросилась ему в голову.

— Янь Шэнь! — он снова попытался приподняться, но его опять уложили на место.

— Ну чего ты? Мы оба мужчины, нечего стесняться.

— А ты на своем месте попробуй, каково это!

— Перестань жеманиться. Здесь никого нет.

Янь Шэнь сохранял невозмутимое выражение лица, мол, «чего я там не видел», но стоило ему взглянуть на избитую плоть, покрытую кровоподтеками и синяками, как он снова помрачнел.

Лу Силай сгорал от стыда.

Самое ужасное было в том, что здесь КТО-ТО ЕСТЬ!

Он буквально кожей чувствовал ледяной взгляд Чжао Цзинжэня, прячущегося в тени. Тот не мог выйти из-за присутствия Янь Шэня, но если Премьер-министр уйдет... Это будет катастрофа.

Пока он мучился от этих мыслей, пальцы Янь Шэня, смазанные лекарством, коснулись его ран. Сначала обожгло огнем, и Лу Силай зашипел: «Ой-ой-ой... ай-яй-яй...», но следом пришла живительная прохлада. Мазь была превосходной. Боль начала отступать, и Лу Силай, расслабившись, зажмурился от удовольствия.

Янь Шэнь тщательно втирал мазь и вдруг спросил:

— Помнишь, ты говорил о тех двоих в черном?

Лу Силай открыл глаза и кивнул.

— Это не просто ночное одеяние. Это знак одной из сект.

— Секты? — Лу Силай вздрогнул. От этого слова остатки его неги мгновенно испарились.

— Я изучил их одежду и кинжалы. Это Школа Каменной Гробницы, — неспешно продолжал Янь Шэнь, сжимая кулак. — Всем известно, что старый князь Нинъян имел связи в мире боевых искусств. Оказывается, эта секта была создана им лично. Теперь, когда старый князь скончался, они подчиняются Чжао Цзинжэню.

Результат не стал для Лу Силая сюрпризом, но у него возникло ощущение, будто он только что вернулся с того света. Он покрылся холодным потом. Хорошо, что это Школа Каменной Гробницы... Какое счастье...

— Теперь понятно, почему у Наследного принца, имевшего лишь пару тысяч гвардейцев Восточного дворца, была такая уверенность... — Янь Шэнь заметил, что дыхание Лу Силая сбилось, и решил, что напугал его. — Ничего. Когда придет Третий принц, дело решится быстро.

Отложив флакон, Янь Шэнь приподнял Лу Силая, собираясь помочь ему завязать одежду.

Тот мгновенно пришел в себя.

— Я сам, сам! — он отполз в сторону и торопливо затянул пояс, пытаясь разгладить складки на одежде.

Внезапно он почувствовал дыхание Янь Шэня за спиной. Руки Премьер-министра обвили его талию.

— Прости, что тебе пришлось через это пройти, — прошептал Янь Шэнь у самого его уха.

Лу Силай застыл. Он почувствовал, как Янь Шэнь поворачивает его лицо к себе, явно намереваясь поцеловать. Щеки Лу Силая вспыхнули, сердце забилось чаще, но тут он вспомнил о Чжао Цзинжэне, наблюдающем из темноты.

Лу Силай резко дернулся, взвыл «Ой-ой-ой!» и повалился на каменное ложе, громко причитая о невыносимой боли.

<http://bllate.org/book/17426/1697785>